

# Предисловие

В первом томе я постарался дать обзор кляйнианской (главным образом традиционной) и бионианской теорий и показать те аспекты, которые особенно важны для клинической техники. Я не стремился изложить теорию саму по себе. Также я включил в первый том некоторые теоретические идеи, которые, как я полагаю, являются скрытой основой кляйнианской/бионианской техники: например, концепцию «вечного младенца бессознательного».

Во втором томе я подробно описал, как, на мой взгляд, следует понимать и интерпретировать аналитическую сессию. Читатель увидит, что в книге приводятся полные стенографические описания клинических сессий. Следует отметить, что я не привожу историю каждого случая, но делаю отсылки к ней, когда это необходимо для понимания текста. Рассказывая о сессиях с моими собственными анализантами и с анализантами других аналитиков, я подробно говорю о своих личных наблюдениях, грезах и контрпереносах, а также размышляю о том, как, когда и что следует интерпретировать.

Я хотел бы повторить то, о чем я упоминал в предисловии к первому тому: «классическая» частичнообъектная кляйнианская теория сильно отличается от более поздней посткляйнианской, в которой делается акцент на аналитическом процессе (переносе/контрпереносе), происходящем в данный момент и рассматривающимся с цельнообъектной точки зрения. Эта работа была написана в период расцвета, а затем и заката «классической» кляйнианской теории и техники, акцентирующей на инфантильных состояниях ума и частичнообъектных восприятиях и фокусирующей на аналитическом тексте ассоциаций анализанта и на реконструировании. Но за это время возникла посткляйнианская теория. Ее последователи постепенно отделились от первоначального направления и стали думать, говорить и интерпретировать в другом ключе: они сфокусировались на превратностях процесса переноса/контрпереноса, происходящего «здесь и сейчас», и стали

уделять особое внимание действиям анализанта и аналитика. Это целюбнообъектный взгляд на происходящее, а не частичнообъектный. Как я упомяну далее в тексте, мне это очень сильно напоминает серьезную театральную постановку игры страстей, в которой анализант и аналитик часто играют скрытые роли. Это давным-давно предвосхитил Сандлер (Sandler, 1976), а затем это стало основной темой семинара Бетти Джозеф (Hargreaves & Varchevker, 2004).

Это неуловимое, но важное изменение в теории, технике и терминологии. На мой взгляд, современные лондонские посткляйнианцы хорошо владеют классической теорией частичнообъектной инфантильности, и именно она всегда составляет фон (а иногда и передний план) их размышлений и стиля интерпретаций. Другими словами, я считаю, что это важная часть их базового психоаналитического обучения, от которого им нужно отвернуться, если они хотят обратиться к другому подходу.

Тут я хотел бы высказать предостережение. Во втором томе я фокусируюсь на концепциях психоаналитической техники. Мои рекомендации – это мой взгляд на общепринятые воззрения, а также мои личные идеи. Поэтому читателю следует помнить, что мои советы происходят из этих двух источников, и понимать, что в клинических ситуациях часто необходимо проявлять гибкость.

*Предостережение.* В черновой версии этой работы, я пытался выровнять гендерную терминологию и использовал мультигендерные местоимения: «он(а)», «его/ее», «ему/ей». Но многие из тех, кому я дал прочесть рукопись, раскритиковали такую терминологию, отметив, что хотя она точная и подходит ситуации, но слишком громоздкая и затрудняет чтение. Поэтому я с неохотой решил использовать местоимения и прилагательные только в мужском роде, за что прошу прощения у женской аудитории. Когда-то в психоанализе доминировали мужчины. Теперь появилась тенденция к женскому доминированию. Но пациенток всегда было больше, чем пациентов. Поэтому еще раз выражаю сожаление и прошу прощения!

Высшее достижение искусства – скрывать самое себя.

*Джон Драйден*

Память знает прежде, чем знание вспоминает.

*Уильям Фолкнер, «Свет в августе»*

Потом, пока его воображенье  
Безвестные предметы облакает  
В одежду форм, поэт своим пером  
Торжественно их все осуществляет  
И своему воздушному ничто  
Жилище он и место назначает.

*Шекспир, «Сон в летнюю ночь» (Акт V, Сцена 1)<sup>1</sup>*

---

<sup>1</sup> Перевод Николая Сатина.



Часть I  
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ  
ТЕХНИКА

# Глава 1

## ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ: ПЕРВАЯ СЕССИЯ

Исходя из опыта, можно предположить, что не стоит путать первую беседу с потенциальным анализантом и собственно психоанализ. Этчегойен (Etchegoyen, 1991) считает, что следует проводить четкое различие между реалистичной прямолинейной консультацией и будущим анализом; это должно позволить потенциальному анализанту создать подобие реальности присутствия аналитика – в той мере, в которой анализант сможет разглядеть это присутствие на консультации. Кляйн и ее последователи, в частности Бион, часто поступали по-другому. Они полагали, что анализ начинается уже на первой подготовительной консультации, и, хотя им была интересна история анализанта, они не спрашивали про нее, а позволяли ей проявиться самостоятельно. Другими словами, они с самого начала следили за свободными ассоциациями анализанта и интерпретировали перенос. Я столкнулся с этим, когда проходил анализ: кляйнианский (с Альбертом Мэйсоном) и кляйнинский/бионианский (с Бионом). Но Мэйсон (в личном общении) упоминал, что предпочитает узнавать в общих чертах о прошлом анализанта, чтобы потом не столкнуться внезапно с психозом, зависимостями и другими подобными нарушениями.

Предварительная консультация позволяет оценить подходит ли потенциальный анализант для анализа. Кроме того, у аналитика есть возможность рассказать об аналитической процедуре: будет ли использоваться кушетка, как производится оплата, какое будет расписание сессий и как аналитик относится к пропускам встреч. В некоторых случаях я проводил не одну, несколько (вплоть до шести) консультаций, чтобы понять, насколько потенциальный анализант готов проходить анализ именно со мной. Говорить ли

с потенциальным анализантом о его прошлом или нет, я решаю в каждом конкретном случае. Как правило, я предпочитаю не говорить – на мой взгляд, лучше, если история анализанта проявится в ходе анализа. Но иногда я специально фокусируюсь на прошлом анализанта, потому что мне это кажется необходимым. Тут можно привести апокрифическую бионианскую шутку: «Можно выслушать историю анализанта, если вы сможете сразу ее забыть!»

Обычно я предлагаю будущим анализантам приходить пять раз в неделю, и это может их шокировать и испугать, потому что они связывают такое большое количество сессий с тяжестью своей психопатологии. Я объясняю, что частота сессий никак не связана с тяжестью заболевания, и что просто при таких условиях анализ будет наиболее эффективным. Я добавляю, что если мы будем встречаться столь часто, то эмоции и мысли, появившиеся на аналитической сессии, можно будет прорабатывать на следующей сессии и/или сессиях. Если же перерывы будут большими, то эти эмоции и мысли вернутся в бессознательное и не будут проработаны. Когда анализ начнется, анализант вскоре почувствует, что возникает «ритм безопасности» (Tustin, 1990, с. 160): неизменный цикл, соотносящийся с младенческим опытом оптимальной согласованности двух циклов:

1. появлением и исчезновением потребностей;
2. появлением и исчезновением матери, удовлетворяющей эти потребности.

Когда расписание нарушается или прерывается, то нарушается и «ритм безопасности» («катастрофическое изменение»: Bion, 1970): этот опыт представляет собой важный аспект адаптивного контекста<sup>2</sup> (Langs, 1976a, 1976b) и/или аналитического объекта (Bion, 1965).

Также раньше использование кушетки рекомендовалось только в случаях, если сессии проводились четыре-пять раз в неделю.

---

<sup>2</sup> Адаптивный контекст – это любой фактор (или все факторы) внешнего окружения и/или анализа, к которым адаптируется анализант (Langs, 1976a, 1976b). Любые «эмоциональные завихрения» (Bion, 1965, с. 157), возникающие из-за «катастрофических перемен» (Bion, 1970), становятся частью адаптивного контекста.

В настоящее время психотерапевты и психоаналитики используют кушетку и при графике одна-две-три сессии в неделю. Я считаю, что каждый аналитик или терапевт должен сам решать, как лучше поступить в данном вопросе (а также он может обратиться за советом), но при этом, независимо от частоты сессий, аналитик и/или терапевт должен сохранять аналитическую позицию в отношениях с пациентом. Я объясняю использование кушетки в своей практике следующим образом: судя по всему, Фрейд считал, что расшифровывает тайный код бессознательного, появляющийся в свободных ассоциациях анализанта. Фрейд настолько погружался в эту криптографическую функцию, что его сбивало с мысли, когда сидящий перед ним анализант смотрел ему в глаза. Поэтому, для собственного удобства, Фрейд организовал сессии так, чтобы анализант смотрел в другую сторону; ну а раз уж анализант должен смотреть в другую сторону, он может заодно и лечь, чтобы расслабиться. Фрейд не подозревал, что заставив анализанта принять такую позу (т. е. лежачее положение, при котором взгляд устремлен в пространство), он активировал функционирование правого полушария мозга – нелинейного, менее организованного, ориентированного на поле, а также более эмоционального и мечтательного [Grotstein, 1995c].

Опыт подсказывает мне, что не следует быть догматичным в вопросе использования кушетки. Я встречал анализантов со слабой способностью к привязанности, и они часто предпочитали сидеть и использовать свои глаза, чтобы фиксировать их на аналитике. Я считаю, что об этом следует помнить.

Я также объясняю потенциальному анализанту, как он должен будет себя вести, когда начнется анализ: фундаментальное правило (Freud, 1913 [1912-13], с. 207) требует, чтобы он говорил все, что приходит в голову, даже если эти мысли кажутся ему неважными или постыдными. Относительно своей роли я сообщаю следующее: моя задача – слушать его свободно текущую речь до тех пор, пока у меня не появится идея о том, что бессознательная часть его личности пытается сообщить. Мои вмешательства по большей части будут представлять собой интерпретации – то есть мое впечатление о том, как мысли анализанта сами «интерпретируют» себя. Я также могу задавать вопросы, чтобы получить информацию, кото-



рой мне не хватает. Иногда я попытаюсь объяснить что-то. Я также сообщаю, что вопросы, которые задаст мне анализант, будут рассматриваться как свободные ассоциации, и поэтому я не всегда буду давать на них прямой ответ или даже не буду отвечать вовсе; это нужно рассматривать не как попытку уйти от ответа и не как грубость аналитика, а как факт, что некая мысль, высказывание или фантазия существовали до того, как был задан вопрос, и поэтому являлись предтечами этого вопроса (причиной, по которой этот вопрос был задан), и именно этот факт важен для анализа.

## Глава 2

# АНАЛИЗ НАЧИНАЕТСЯ: УСТАНОВЛИВАЕМ РАМКИ

Аналитические рамки: как их устанавливать, поддерживать и инспектировать

Бион установил, что существует связь между контактным барьером<sup>3</sup> и аналитическими рамками. Коротко говоря, аналитические рамки, упорядочивающие отношения анализанта и аналитика, являются внешним аналогом и продолжением интрапсихического контактного барьера, который, в свою очередь, организует разделение между сознанием и бессознательным (Bion, 1962b, с. 17).

Следуя давней психоаналитической традиции, я советую аналитику не только оберегать аналитические рамки, но и «стать» этими рамками. Одна из компонент этой рекомендации состоит в следующем: когда аналитик выходит в приемную, чтобы поздороваться с анализантом и позвать его в кабинет, он должен вести себя вежливо и отвечать на приветствия, но не должен вступать в беседу с анализантом и что-то с ним обсуждать. Он должен дожидаться, пока анализант ляжет на кушетку и начнет ассоциировать, и уже после этого аналитик может говорить. Аналитик также должен обозначить правила поведения в кабинете, если анализант хочет войти со стаканом кофе, бутылкой воды или мобильным телефоном в руках.

---

<sup>3</sup> Важно помнить, что термин «контактный барьер» у Биона отличается от концепции подавления Фрейда (Freud, 1915d).

## Виды аналитических рамок

У концепции аналитических рамок существует по меньшей мере четыре различных измерения:

1. *«Рамки фона»* – это контуры аналитической ситуации, то есть адаптивный контекст сессии, уместность манер и поведения анализанта и аналитика на сессии, соответствующая ситуации одежда у обоих участников, употребление кофе, воды и тому подобного обоими участниками, использует ли анализант мобильный телефон на сессии, отвечает ли аналитик на телефонные звонки во время сессии и т. д. Одна черта рамок фона заслуживает отдельного упоминания. Тастин (Tustin, 1990) ввела термин *«ритм безопасности»*, обозначающий регулярность аналитических сессий, проводимых с аутичным ребенком (с. 160). В работе с младенцами, детьми и анализантами может оказаться очень важным создание четкого расписания, и я считаю, что это в целом важный элемент жизненного опыта младенцев, детей и практически всех анализантов.
2. *Интерпретативная позиция аналитика* – это фокусировка аналитика на рамках аналитического взаимодействия между аналитиком и анализантом в ситуации переноса↔контрпереноса↔грезы: то есть аналитик должен *«обрамлять»* и аналитическую *ситуацию*, и *аналитический процесс*, и *функционирование внутри этого процесса*. Он должен, в ходе финального анализа (с некоторыми обоснованными исключениями) вести анализ следующим образом: позволять ему спонтанно разворачиваться, а самому вмешиваться только посредством интерпретаций в самом широком смысле этого слова, который включает в себя конфронтацию, вопросы (если они необходимы) и т. д. Если это возможно, аналитик не должен беседовать с анализантом. Другими словами, аналитик должен обеспечивать *аналитическую атмосферу*. Должен ли аналитик задавать вопросы? Это противоречивая тема. Я считаю, что, как правило, вопросов следует избегать, если только аналитик не чувствует, что пациенту необходимо сказать что-то еще по поводу ассоциаций или неизвестных аспектов прошлого. Как правило, возможные вопросы содержатся в самих ассоциациях анализанта. Вот типичный вопрос, который ана-

литики и/или терапевты часто задают анализантам: «Почему вы всегда начинаете встречаться с мужчинами (или женщинами) с таким типом характера?» Такой *наводящий* вопрос заставляет анализанта стать аналитиком самому себе. Однако есть и еще одна причина избегать вопросов. Аналитик может без всякого злого умысла задать обоснованный вопрос, не понимая, что анализант может воспринять этот «невинный» вопрос, как критику, рекомендацию или приказ. Это происходит из-за переноса, в особенности из-за переноса суперэго.

3. «Обусловленные рамки» – это обстоятельства, при которых аналитик, тщательно все обдумав, решает, что рамки следует изменить. Это может быть, например, решение использовать анализ по телефону в течении нескольких сессий, если пациент уехал из города или из страны, и ему действительно необходимо продолжить анализ. Это могут быть и другие обоснованные исключения, ради которых аналитик может создать «обусловленные рамки». Однако такое расширение рамок все равно является нарушением рамок (то есть параметров анализа), и их необходимо проанализировать.
4. «Договор», бессознательно существующий между анализантом и аналитиком, гласит, что каждый из них, индивидуально и совместно, должен наилучшим образом заботиться об «изначальном-и-вечном-младенце бессознательного»: об *аналитическом субъекте*. Я считаю рамки частью «договора», который этически связывает анализанта и аналитика в их общем и индивидуальном стремлении сохранить цельность и непрерывность анализа.

То, что Бион (Bion, 1962a, 1962b) позже обозначил, как «содержащее-содержимое», было интуитивно описано Фрейдом, как *психоаналитические обстоятельства*, и в итоге превратилось в *психоаналитические рамки* – в обрамление или содержащее, внутри которого проходит психоаналитический процесс. Аналитик устанавливает правила, действующие в этих рамках, а анализант затем эти правила принимает, – и именно это я называю *договором* между ними. Договор обязывает анализанта и аналитика ответственно заботиться о благополучии их общего «младенца/ребенка» – «вечного-и-вечно-развивающегося младенца бессознательного».

## Рамки на страже аналитической игры страстей

В отличие от большинства психоаналитиков прошлого и настоящего, я считаю, что психоанализ можно рассматривать как «*игру страстей*» – нечто одновременно включающее в себя внутренние и внешние объектные отношения и влечения (бессознательную мотивацию) и выходящие за их пределы. Лично я считаю, что концепция драмы или игры (где «я», как актер на сцене, играет некую роль) выходит за пределы традиционных представлений о теории влечений и объектов и преобразует в эстетическом ключе практику психоанализа и психотерапии (Bion, 1965, с. 52). Правила, применяемые для поддержания аналитических рамок удивительно похожи на правила, которые используют актеры, играющие на сцене или в кино (Stanislavski, 1936), или на правила, которыми инстинктивно руководствуются играющие дети (Opie & Opie, 1959). Чтобы сыграть нужную роль, актер должен ограничить свою обычную личность и создать маску-персону. Точно также ограничивает свою обычную личность и аналитик, проводящий анализ – и то же самое верно и для анализанта. Если мы рассмотрим психоаналитический опыт как импровизированную игру страстей, то увидим, что анализант бессознательно творит, пишет, направляет и презентует скрытый сценарий, состоящий из свободных ассоциаций (Grotstein, 2000). Иными словами, одно дело рекомендовать вести себя сдержанно, помня о том, что влечения следует обуздывать с помощью слов и мыслей; и совсем другое – рекомендовать то же самое, чтобы была возможность сыграть «аналитическую пьесу».

Я полагаю, что «свободные» ассоциации на самом деле являются зашифрованными тайнами бессознательного. «Невыразимый субъект бессознательного» («сновидец, которому снятся все сновидения», «драматург») решает открыть нам эти тайны, которые могут оказаться важными и созвучными текущей ситуации. С этой точки зрения правила поддержания аналитических рамок должны обеспечивать способность обоих аналитических партнеров, *отринув недоверие*, участвовать в драме, где проявляются страсти.

Если мы воспринимаем психоаналитическое лечение как пьесу или драму, то возникает еще одно последствие: концепция аналитического сопротивления изменяется и маргинализируется. Дру-

гими словами, с драматической точки зрения, все, что пациент говорит или демонстрирует в своем поведении (в том числе и сопротивление), воспринимается и понимается через призму драмы и аналитиком, и анализантом. Возможно, именно это имел в виду Фрейд (Freud, 1900a), когда писал о том, что для работы сновидений необходимо, чтобы у бессознательного проявлялись «условия для репрезентативности» (Freud, 1900a, с. 335). Конатус (Spinoza в Damasio, 2003, с. 36; Hampshire. 2005, сс. 67-68) – это принцип, согласно которому все живые организмы, включая людей, бессознательно (рефлексивно) стремятся поддерживать самотождественность своей центральной идентичности в процесса изменений («катастрофичная тревога», Bion, 1965, сс. 8-11).

Супервизируемый представил мне следующий клинический случай: пациентка средних лет страдала от биполярного расстройства (первая ось DSM) и примитивного ментального расстройства (вторая ось). В течении некоторого времени пациентка слушала интерпретации аналитика и позитивно реагировала на них, а затем засыпала или впадала в отрешенное состояние. Супервизируемый пожаловался мне: «Пациентка была мертвой на сессии!» Я ответил: «Нет, пациентка *не была* мертвой. Она *драматично продемонстрировала* свое *желание быть мертвой в этот момент*, когда могла бы возникнуть тревога перемен, если бы пациентка полностью усвоила ваши интерпретации. Супервизируемый согласился.

Таким образом, если рассматривать психоанализ, как импровизированную игру страстей, тогда то, что традиционно называется сопротивлением анализанта, можно считать проявлением конативной тревоги, означающей, что анализант предчувствует катастрофическое изменение «я».

## Аналитические рамки гарантируют и ускоряют освобождение

Проведя множество психоанализов, я понял, что необходимо переосмыслить правила аналитических рамок – те самые правила, которые я еще со времени своего обучения психоанализу счи-

тал чем-то само собой разумеющимся и которые превратились для меня в догму, в затверженный катехизис. Обдумав эту тему, я сформулировал следующие соображения. Когда аналитические рамки (обстановка и ее границы) не нарушены и когда их сохранность обеспечивается поведением аналитика, бессознательное свободнее выходит на поверхность и проявляется. Бессознательное будто бы знает, что психоанализ – это особая форма игры, в которой границы должны оставаться на своих местах для того, чтобы могла возникнуть и быть отыгранной священная и глубоко личная драма.

Во время анализа молодой женщины, которая испытывала эротизированный перенос на меня, я понял, что границы должны оставаться на своих местах и правило воздержания должно соблюдаться для того, чтобы пациентка без реального полового акта могла полностью почувствовать природу своего либидинального «я». Другими словами, существует словно бы две формы полового акта: половой акт между двумя реальными любовниками во внешнем мире, и половой акт, происходящий только во время психоанализа, то есть во внутреннем мире в грезах анализанта и аналитика на священной территории, охраняемой правилом воздержания. Правило воздержания и защита, которую обеспечивает аналитик, поддерживающий рамки, дают возможность анализанту в полной мере ощутить сексуальную энтелехию (врожденный потенциал).

## Другие аспекты рамок

В начале анализа аналитик должен подробно озвучить все аспекты аналитических рамок: время и частоту сессий (тем самым создается регулярность и симметрия), размер оплаты, когда производится оплата, ответственность анализанта за пропущенные сессии, и то, какие дни будут считаться выходными и когда будет отпуск.

Постепенно аналитики поняли, что аналитические рамки создают для анализанта чувство постоянства и становится тем, что Тастин (Tustin, 1990) называла «ритмом безопасности». Это постоянная в психоаналитическом процессе, которой противостоят психоаналитические переменные – импульсы, аффекты и жизненные обстоятельства.

Со временем постепенно стало ясно, что после установления рамок, значительная часть активности аналитика должна посвящаться их сохранению и наблюдению за ними. Поскольку рамки символизируют взаимный договор между аналитической парой, аналитику важно следить за рамками. Это означает, что он должен гарантировать свое присутствие на сессиях, быть подобающе одетым и вести себя соответственно, обсуждать возможные столкновения с анализантом вне сессий (это особенно важно для аналитиков, которые еще проходят подготовку), и во всем вести себя так, как должен вести себя аналитик.

Значение и интерпретация последнего из этих условий со временем начали меняться. Ранее это означало, что аналитик должен быть нейтральным, объективным, вдумчивым и не переходить на личный уровень общения – то есть не должен свободно беседовать с анализантом и не должен раскрываться перед ним. Я не буду сейчас углубляться в дискуссию об эмпатии и откровенности аналитика. Я с уважением отношусь к тому факту, что из каждого правила могут быть обоснованные исключения, но все равно желательно придерживаться следующего правила: аналитик должен поддерживать то, что Альварец (Alvarez, 1996) называл «живым общением»: должен быть отзывчивым, но не сближаться с анализантом слишком сильно, и должен тщательно поддерживать аналитические рамки. Исходя из своего опыта анализа у Уильфреда Биона, а затем у Альберта Мейсона (я считаю, что они оба идеально проводили анализ), я рекомендую аналитикам в качестве интервенций использовать только интерпретации (по возможности, касающиеся переноса) и избегать объяснений.

Анализант может нарушать рамки различными способами по различным причинам. Частая форма нарушений – это ситуация, когда анализант опаздывает и/или не приходит на сессию. Также бывает, что анализант «берет домой почитать» журналы из приемной аналитика, дарит подарки, пытается дотронуться до аналитика или обнять его, продолжает разговаривать по мобильному телефону, зайдя в кабинет аналитика, отказывается уходить после окончания сессии и т. д. Само собой, такие нарушения требуют внимания со стороны аналитика. Он должен интерпретировать



Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)